

Письмо А.И.Лейпунского Л.Д.Ландау

Времена и люди

Дочь репрессированного физика М.А.Кореца получила от Службы безопасности Украины хранившееся в арестном деле отца неизвестное письмо А.И.Лейпунского, адресованное Л.Д.Ландау. Публикацию письма сопровождает рассказ М.А.Шифмана о его истории, а также малоизвестных сведениях из жизни Кореца, и статья Г.Е.Горелика о событиях, упоминающихся в письме и связанных с судьбами сотрудников Украинского физико-технического института.

Из истории письма

М.А.Шифман,

доктор физико-математических наук
Университет Миннесоты (США)

В марте 2016 г. я был в Иерусалиме на конференции в честь 75-летия нобелевского лауреата по физике Д.Гросса, чьи детские и юношеские годы прошли в этом городе. В Иерусалиме живет Наталья Моисеевна Корец-Гольфанд, дочь Моисея Абрамовича Кореца и вдова Ю.А.Гольфанда, одного из первооткрывателей суперсимметрии. При встрече Наташа передала мне письмо, написанное А.И.Лейпунским и отправленное им из английского Кембриджа в Харьков в 1935 г. Письмо это адресовано Л.Д.Ландау. Оно никогда не публиковалось и неизвестно биографам Ландау. Письмо (вместе с еще одним документом) было переслано Наташе Службой безопасности Украины. Оно хранилось в первом арестном деле Кореца (Харьков, 1935) на протяжении многих десятилетий.

Ландау бежал из Харькова в Москву в 1937 г. Считается, что толчком к этому были массовые аресты НКВД, начавшиеся в Украинском физико-техническом институте (УФТИ). В мае 1936 г. арестована Е.А.Штриккер*, жена А.С.Вайсберга, в марте 1937 г. — сам Вайсберг, за ним последова-

ли аресты К.Б.Вайсельберга, Л.В.Розенкевича, Л.В.Шубникова**...

Однако из найденного письма видно, что уже в 1935 г. Ландау и Шубников очень серьезно обдумывали отъезд из Харькова в Москву. Причины этого, как и события того времени в УФТИ, зримо отражены в письме Лейпунского.

От письма у меня осталось впечатление, что 32-летний Лейпунский и 28-летний Ландау были не просто друзьями. Два мечтателя-единомышленника, считавшие УФТИ своим ребенком и с романтическим азартом погруженные в планы сделать из института самый лучший физический центр того времени. Увы, их планам не суждено было сбыться...

Еще одно курьезное наблюдение. Оказывается, в то время почта работала лучше, чем сейчас. Письмо из Харькова в английский Кембридж шло меньше шести дней! А ведь почтовые самолеты тогда не летали...

Второй документ, переданный мне Натальей Моисеевной и датированный 24 июня 1935 г., —

* По-венгерски ее фамилия писалась Striker, по-немецки и по-английски Stricker. — МШ.

** См.: Гредескул С.А., Пастур Л.А., Фрейман Ю.А., Храмов Ю.А. Лев Васильевич Шубников (Природа. 1991. №1. С.89–97); Френкель В.Я. Четырнадцать лет из жизни Л.В.Шубникова (Природа. 1991. №4. С.124–126).

письмо от румынского физика-теоретика Александру Прока, который в то время был сотрудником Института Анри Пуанкаре в Париже. Это письмо — ответ на более раннее письмо Ландау, и речь в нем идет об организации семинара Ландау в Институте Анри Пуанкаре.

Прока (физики старшего поколения, наверное, еще помнят калибровку Прока) пишет, что обсудил письмо от Ландау с Луиде Бройлем, что они будут рады его видеть, выделяют на его визит в Париж 1000 французских франков и дают ему полную свободу в выборе темы семинара, но у них есть условие: семинар должен быть доступен для аспирантов, и изложение — ясным (последнее слово подчеркнуто). Насколько я знаю, этот визит Ландау в Париж не состоялся.

Мне хотелось бы добавить несколько слов о действующих лицах этой давней истории. О Кореце (1908–1984), который в 1935 г. по приглашению Ландау приехал в Харьков и стал его ассистентом, много писали, в частности в журнале «Природа»*. После ссылки, когда он вернулся в Москву в 1958 г., он стал сотрудником «Природы» — сначала внештатным, а с 1960 г. штатным редактором. О Лейпунском (1903–1972) тоже имеется обширная литература, например известные книги Б.С.Горобца**. Я расскажу кое-что новое, еще не публиковавшееся.

Моисей Корец был женат трижды. В первый раз он женился в Москве в 1928 г. на Александре Симоновой. Вскоре после того как в 1929 г. у них родилась дочь Эсфирь (позднее Ирина), семья переехала в Ленинград. Этот брак распался в 1931 г. На допросах и при первом, и при втором аресте Корец не упомянул ни о бывшей жене, ни о дочери, без сомнения, желая оградить их от внимания Наркомата внутренних дел (НКВД). В то время их имена в документы НКВД не попали. Арест 1938 г. закончился отправкой Кореца в ГУЛАГ (Печора, Воркута) на 14 лет, с последующей ссылкой.

* Ранюк Ю.Н. М.А.Корец и Л.Д.Ландау в кольце харьковских спецслужб (Природа. 1995. №12. С.86–92; 2008. №1. С.54–59).

** Круг Ландау. Жизнь гения. М.; СПб., 2006; Круг Ландау. Физика войны и мира. М., 2009; Круг Ландау и Лившица. М., 2009.

М.А.Корец. 1935 г.

Симонова оказалась благородной и отважной женщиной. Чтобы получить возможность писать Корецу в лагерь и отправлять ему продуктовые посылки, она пошла на большой риск, написав заявление в НКВД, что она была замужем за Корецем и у них общая дочь. Переписка с Симоновой и, позднее, с подростковой дочерью Эсфирь-Ириной помогла ему выжить, сохранив человеческое достоинство.

С их перепиской частично можно познакомиться в Интернете***. Довольно подробно биография Кореца описана в эссе Бориса Эскина «Жизнь и судьба Юрия Гольфанда», а также в моем введении к сборнику «Physics in a Mad World» [1, p.1–85], где опубликован и английский вариант эссе Эскина [1, p.391–462].

Малоизвестные детали из жизни Лейпунского в первой половине 1930-х годов можно найти в книге А.Вайсберга-Цыбульского [2]. О его пребывании в Кембридже в 1934 г. вспоминает Шарлотта Хоутерманс, жена известного физика Ф.Хоутерманса, в своем дневнике она называет «Сашу Л.» симпатягой и душой любой компании. Часть дневников (но не та, что относится к 1934 г.) была опубликована В.Я.Френкелем [3]. Последняя (до того не опубликованная) часть была включена в сборник «Physics in a Mad World» с любезного согласия детей Ш.Хоутерманс. Кстати, и в книге Френкеля, и в сборнике заинтересованный читатель найдет много архивных материалов о УФТИ 1935–1937 гг., в том числе и дневники Хоутерманс.

Несколько слов о Наталье Корец-Гольфанд. Моисей Корец несколько раз находился на грани смерти. Однажды в лагерьном лазарете его спасла медсестра Серафима Иосифовна Рудова, из осужденных по 58-й статье УК РСФСР. Корец влюбился, и з/к Рудова впоследствии стала его женой. Наталья Корец-Гольфанд родилась в январе 1946 г. в затерянной среди лесов и болот северной деревушке. Понятное дело, роддома в лагере не было, он находился в соседнем селе, куда и отправляли зэчек-рожениц [1].

Оригиналы упомянутых писем хранятся в семейном архиве Н.Корец-Гольфанд.

*** https://sites.google.com/site/michaelkjerusalem/pisma_main

Литература

1. Physics in a Mad World / Ed. M.Shifman. Singapore, 2015.
2. Weissberg A. The Accused. N.Y., 1951.
3. Френкель В.Я. Профессор Фридрих Хоутерманс: работы, жизнь, судьба. СПб., 1997.

Cambridge, 5.7.1935

Милый Дау!

Только что получил от тебя письмо, понять которое довольно трудно (письмо написано тобой 29 июня). Во-первых, я не понимаю, о каком письме к Кире* идет речь. Насколько я помню, я Кире уже месяца три не писал. Во-вторых, что значит ты, Шубников и Комаров**? О Комарове я первый раз слышу. В-третьих, и тебе это могло быть очевидно, что я на институт затратил немало сил. По-видимому, я это сделал для того, чтобы создать условия для работы себе и другим, чтобы сделать хороший научный институт. Ясно, что я так легко из института не уйду, и меня несколько удивляет легкость вашего отношения. И ты, и Шубников тоже затратили немало на создание института, и подобное поспешное бегство малопонятно. Единственная попытка объяснения — это то, что вы считаете, что у вас сил для победы не хватает, но хватило бы, если бы я был с вами. Как же тогда вы подготавливаете уход из института, не дождавшись меня, не поговорив со мной? Что я хочу иметь от института, какой институт, по моему мнению, должен быть, вы это знаете. Не один раз с каждым из вас мы об этом говорили. То, что я не полный идиот, я надеюсь, вам известно. При всех моих недостатках я не очень глупый человек и прекрасно понимаю, что если институт превратится в заведение, в бюрократическую машину, то мне в нем также места не окажется, как и любому из вас.

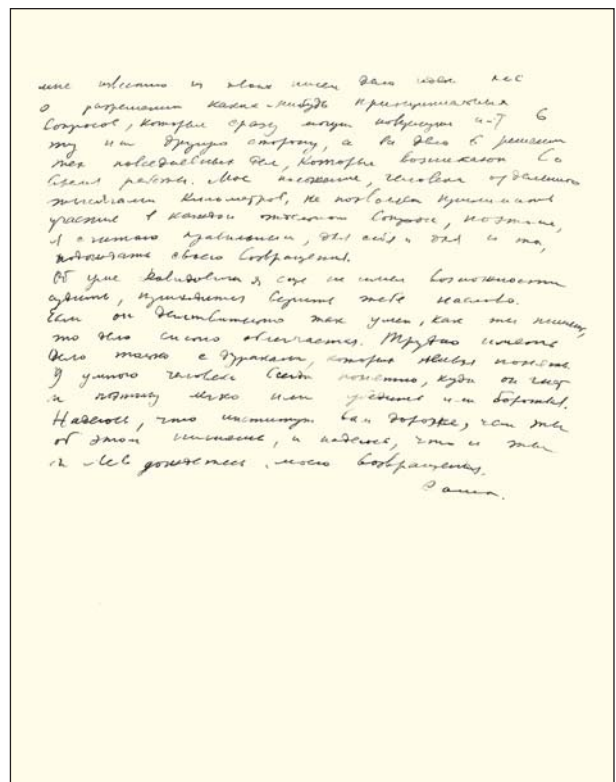
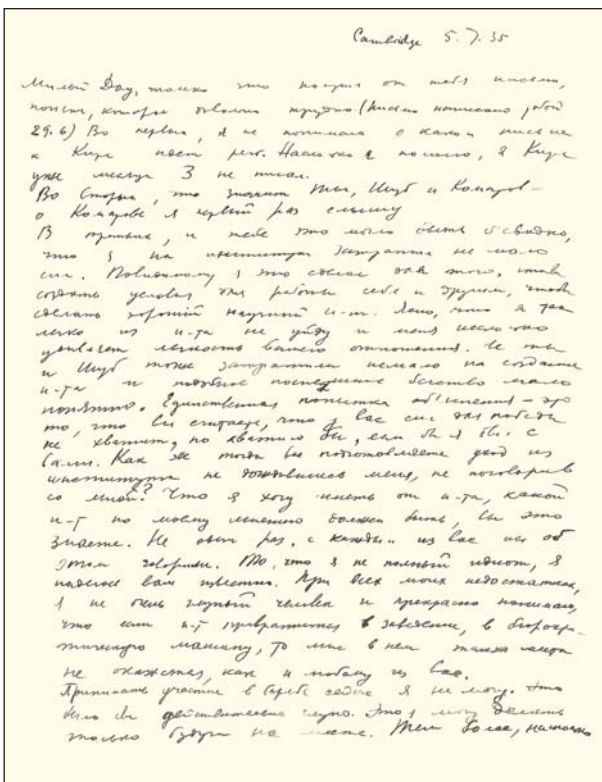
Принимать участие в борьбе сейчас я не могу. Это было бы действительно глупо. Это я могу делать только будучи на месте. Тем более, насколько мне известно из твоих писем, дело идет не о раз решении каких-нибудь принципиальных вопросов, которые сразу могут повернуть институт в ту или другую сторону, а все дело в решении тех повседневных дел, которые возникают во время работы. Мое положение человека, отделенного тысячами километров, не позволяет принимать участие в каждом отдельном вопросе. Поэтому я считаю правильным для себя и для института подождать своего возвращения.

Об уме Давидовича я еще не имел возможности судить, приходится верить тебе на слово. Если он действительно так умен, как ты пишешь, то дело сильно облегчается. Трудно иметь дело только с дураками, которых нельзя понять. У умного человека всегда понятно, куда он гнет, и поэтому легко или убедить, или бороться. Надеюсь, что институт вам дороже, чем ты об этом пишешь, и надеюсь, что и ты, и Лев дождетесь моего возвращения.

Саша [Лейпунский]

* Кира — Кирилл Дмитриевич Синельников (1901–1966), в УФИ возглавлял отдел физики ядра в 1930–1942 гг.

** Петр Николаевич Комаров, аспирант УФИ, работал на Опытной станции глубокого охлаждения, арестован в 1937 г., погиб в заключении.

Письмо из Кембриджа (первая и вторая страницы).

Письмо из Кембриджа в Харьков

Лев Ландау и Александр Лейпунский

Г.Е.Горелик,

кандидат физико-математических наук

Центр философии и истории науки при Бостонском университете (США)

Опубликованное письмо — ответ на депешу с поля битвы в Украинском физико-техническом институте (УФТИ) в Харькове. Сражались там за советскую науку.

История началась в декабре 1934 г., когда директором был назначен некий С.А.Давидович, в институте никому не известный и к науке до того отношения не имевший. Преподы директор UFТИ — 30-летний А.И.Лейпунский, талантливый физик и «организатор науки» (как тогда было принято говорить), — еще с весны 1934-го находился на длительной стажировке в Англии.

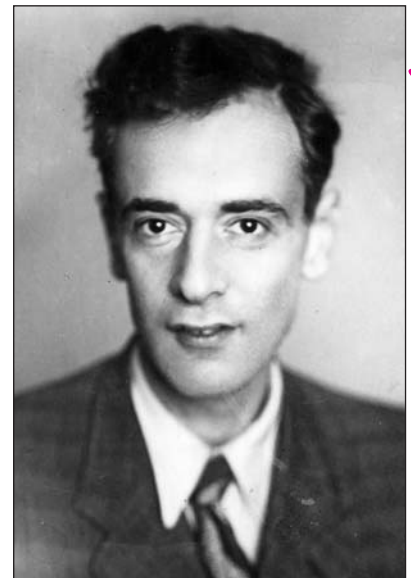
Новый директор начал с того, что соорудил себе кабинет с табличкой на дверях «Прием по понедельникам, средам и пятницам от 3 до 5 часов» и принялся руководить, внедряя не столько науку в жизнь, сколько советскую жизнь — в науку. Без консультаций с ведущими научными работниками он раздобыл для института задания военно-технического характера и ввел режим секретности с пропускной системой. Его инициативы вызвали открытый отпор ведущих физиков института, среди которых самыми заметными были 27-летний Л.Д.Ландау, руководивший теоретическим отделом, и 33-летний Л.В.Шубников, руководитель лаборатории низких температур. Все участники противостояния могли сказать, что стремятся сделать советскую науку лучшей в мире и наилучшим образом помогающей строительству социализма. Оставалось согласовать: что такое хорошо, что такое наука и что такое социализм.

Чтобы понять, почему согласие было невозможно и что двигало участниками разногласия, надо понимать обстоятельства времени и места, весьма необычные для нашего далекого настоящего.

А.И.Лейпунский. 1960-е годы.

www.biblioatom.ru

Л.Д.Ландау. 1939 г.

Фото из архива Г.Е.Горелика

Советско-социалистический идеализм

УФТИ был основан в 1928 г. группой сотрудников ленинградского Физтеха*, а в 1935 г. уже претендовал на лидерство в нескольких важных областях физики. Одну из главных ролей в этом сыграл Ландау, прибывший в УФТИ из Ленинграда в 1932 г., не сойдясь характером с А.Ф.Иоффе, директором «материнского» института.

Посмотрим на тогдашнего 24-летнего Ландау глазами П.Эренфеста — человека, который был вдвое его старше, дружил с А.Эйнштейном и Н.Бором и сам был физиком с мировым именем. Эренфест, проживший в России пять лет (1907–1912) и друживший с Иоффе, знал, что Ландау уехал из Ленинграда в сущности из-за конфликта с Иоффе, который раздраженно объяснил Эренфесту, что считает Ландау *...чрезвычайно способным, но фи-*

* В 1925–1933 гг. институт претерпевал кардинальные изменения, слияния и преобразования, в 1928 г. он назывался Ленинградский государственный физико-технический институт (ГФТИ) при ВСНХ РСФСР. — *Примеч. ред.*

П.С.Эренфест (в центре) в Ленинграде среди сотрудников Физико-технического института; справа от него — А.Ф.Иоффе.

Здесь и далее фото из архива «Природы»

зические суждения его — крайне односторонними и поэтому неверными. Так было во всех физических вопросах, в которых он участвовал в нашем институте. Все, что он утверждал, оказалось сплошной чепухой, не оправдавшейся на опыте. Верно, что в его взглядах есть внутренняя логика, но только нет связи с действительностью — это не логика природы. Физика не талмуд, и она не может заниматься толкованием великих изречений Ландау, хотя они несомненно интересны и, по-видимому, своей логикой гипнотизируют [1, с.299].

Чтобы разобраться в логике этого гипноза, Эренфест в декабре 1932 г. отправился в Харьков и прямо оттуда изложил свои впечатления обиженному другу:

Что же касается Ландау, то в последнее время я стал ценить его как совершенно необычайно одаренную голову. В первую очередь за ясность и критическую остроту его мышления. Мне доставляло большое удовольствие спорить с ним о разных вещах. И совершенно независимо от того, был ли я при этом неправ (в большинстве случаев — в основных вопросах) или прав (как правило, во второстепенных деталях), я каждый раз очень многое узнавал и мог при этом оценивать по достоинству, насколько ясно он «видит» и насколько большим запасом ясно продуманных знаний он располагает... <...> ...Такой человек, как Ландау (разрешите мне не принимать во внимание его хулиганство, которое я лично

открыто осуждаю решительным образом), в равной степени для любой страны представляет собою абсолютно необходимый тип физика-теоретика. <...> После того, как я раз-другой с ним очень крепко поспорил из-за некоторых его неоправданно парадоксальных утверждений, я убедился, что он мыслит не только четко, но и очень наглядно — особенно в области классической физики. И в этот очень короткий промежуток времени я узнал от него удивительно много нового — почти каждый раз после фазы спора, в течение которой я был твердо убежден, что он неправ!!

Я люблю способ его мышления почти так же, как и способ мышления Паули.

И я очень хорошо понимаю, почему здесь все экспериментаторы так охотно советуются с Ландау (а не с Розенквичем или Подольским), — он очень живо всем интересуется и интересен сам. Из-за его мальчишеских манер то, что он говорит, часто кажется сначала абсолютно непонятным, но если с ним упорно поспорить, то всегда чувствуешь себя обогащенным. Ведь де-факто я делаю все, что вообще в моих силах, для того, чтобы мобилизовать против хулиганства [слово по-русски. — Г.Г.] Ландау, — конечно, при том, что он обо всем знает, — и разъяснить молодежи, как разрушающе влияет такое поведение. Ландау, в принципе, добрый человек!!! После незначительной внешней правки он мог бы стать одним из моих друзей (вопреки тому, что он меня как физика уважает мало) [1, с.246–249].

Все это за считанные дни сумел разглядеть иностранец Эренфест. Тем более это видели молодые физики, которые учились работать рядом с Ландау. То, что Эренфест называл мальчишеским хулиганством Ландау, они считали честностью, пусть и прямолинейной. А честность так нужна при поиске истины, что можно обойтись и без всякой внешней правки. Главное, что их молодой учитель видит исключительно ясно, мыслит четко и наглядно, на основе огромного запаса продуманных знаний.

В 1935 г. самый юный из аспирантов Ландау — Е.М.Лифшиц — сказал новоприбывшему дипломнику: *До сих пор был Кембриджский период в развитии физики, а сейчас наступает Харьковский* [2, с.26]. И то была не шутка, а настрой теоретиков института. Не зря же в 1934 г. на конференцию

в УФТИ приехал сам Бор и написал в книге почетных посетителей:

Я рад возможности выразить свои чувства величайшего восхищения и удовольствия, с которыми я осмотрел прекрасный новый Физико-технический институт в Харькове, где отличные условия для экспериментальной работы во всех областях современной физики используются с величайшим энтузиазмом и успехом под выдающимся руководством и в теснейшем сотрудничестве с блестящим физиком-теоретиком [2, с.161].

Творческий энтузиазм блестящего теоретика соединялся с его советско-социалистическим идеализмом, который, в свою очередь, опирался и на вполне реальные обстоятельства. Во второй половине 1920-х годов, когда Ландау входил в науку, СССР поддерживал активные научные контакты с западной наукой, и в 1929 г. его отправили за «народные деньги» на стажировку в Европу. Когда эти деньги кончились, западные коллеги выхлопотали для него стипендию Рокфеллеровского фонда еще на год. В 1920-х годах таким же образом приобщались к мировой науке и делали свои первые работы мирового уровня многие советские физики. Шубников, в частности, начал работать в УФТИ, проведя четыре года в лучшей тогда лаборатории низких температур в Голландии.

Европейским физиком Ландау запомнился своим антибуржуазным пылом и верой в великое будущее как научного социализма, так и науки при социализме. Вернувшись на родину, он взялся это будущее приближать, готовя новых физиков и реализуя свое учительское призвание. В УФТИ Ландау консультировал экспериментаторов, занимался теоретическими проблемами и одновременно готовил новых теоретиков. В 1935 г. уже пятеро его аспирантов освоили разработанный им «теорминимум» и появилось «Руководство по теоретической физике»* — первая версия «Курса теоретической физики», самой, вероятно, знаменитой книги в физике XX в.

Увлеченный наукой теоретик, похоже, не придавал особого значения новым веяниям в стране. Пока он гостил в лучших домах научной Европы, на родине объявили «великий перелом». Товарищ Сталин, подавив своих бывших товарищей по ленинскому политбюро, стал единоличным вождем, прекратил ленинскую новую экономическую политику и провозгласил новейшую — ускоренную индустриализацию.

При этом изменилось и отношение власти к науке. Прежняя почитительность сменилась требованием практической отдачи. Привычное ныне сочетание «наука и техника» тогда выглядело иначе: «техника и наука», и Сталин сказал, что «техника

решает все»**. Наглядную демонстрацию его отношения к науке в 1930-х годах можно видеть в первом присуждении Сталинских премий. Эти премии он учредил в 1939 г. — к своему 60-летию. Академия наук, после обсуждений и голосования, представила список лучших работ по физике, но две первые работы вождь вычеркнул. Из вычеркнутых областей науки выросли радиолокация и ядерное оружие. Лишь взрывы атомных бомб в конце Второй мировой войны убедили вождя, что наука стала главным источником военно-технической мощи.

Советская наука и нравственность

Советско-социалистический энтузиазм Ландау, сформировавшись в 1920-х годах, прекрасно сохранился к 1935-му, несмотря на то что к «Хозяину», как Ландау иронично именовал вождя, он никогда не испытывал теплых чувств. Слишком явным было «ханство» Сталина и слишком свободолюбив был физик-теоретик, утешавший себя тем, что, согласно марксизму, роль народных масс в истории гораздо важнее роли личности.

Так или иначе, на рвение директора-партназначенца в УФТИ свободолюбивые физики отвечали открыто и в самых разных формах. Возражали на собраниях, писали статьи в стенгазету.

В этой борьбе самым активным помощником Ландау стал М.А.Корец. Познакомились они еще в Ленинградском политехническом институте, где Ландау преподавал, а Корец учился. Оба родились в 1908 г., Гражданскую войну пережили детьми, а юность их пришлось на самое свободное в советской истории десятилетие. Оба влюбились в науку и в сказку научного социализма. Корец был покорен мощным интеллектом Ландау в науке и его теорфизическим подходом к жизни. И он с радостью отдавал свою энергию той цели, которую ставил перед собой Ландау, — вывести советскую физику на мировой уровень, пользуясь преимуществами социализма и заодно доказывая их реальность всему миру во имя светлого будущего всего человечества!

На такую плакатную декларацию пишущий эти строки решился лишь потому, что много лет раз-

** Неточное цитирование. В действительности лозунг 1-й пятилетки (1928–1932) звучал так: «Техника в период реконструкции решает все», что нашло отражение даже в надписи на знаке Всесоюзного совета обществ ЗОТ («За овладение техникой»), которым награждались трудящиеся, овладевшие определенной суммой технических знаний и навыков и умевшие применять эти знания и навыки на деле. Лишь в речи И.В.Сталина перед выпускниками военных академий 4 мая 1935 г. этот лозунг был дан без уточнения: *Вот почему старый лозунг «техника решает все», являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники, должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что «кадры решают все». В этом теперь главное. — Примеч. ред.*

* См.: Горелик Г.Е. Как рождался «Курс теоретической физики» (Природа. 2005. №8. С.67–75).

У входа в лабораторный корпус УФТИ. Первый ряд: Л.В.Шубников, А.И.Лейпунский, Л.Д.Ландау, П.Л.Капица. Второй ряд: Б.Н.Финкельштейн, О.Н.Трапезникова, К.Д.Синельников, Ю.Н.Рябинин. 1934 г.

мышлял над биографией Ландау, над документальными свидетельствами и беседами со многими близко знавшими его людьми, включая самого Короца [3, 4].

Чтобы охарактеризовать других участников событий в УФТИ, требуются усилия других биографов. Обстоятельства советской жизни не способствовали открытости, и действовали весьма разные сочетания научных и социальных факторов. В 1930-х годах простых карьеристов среди физиков было немного, гораздо более престижной тогда была профессия инженера. Немного было и «ярко-красных» физиков, подобно Ландау считавших себя вправе самим решать, что помогает социализму, а что нет. Еще меньше было тех, которые вовсе не считали советский социализм шагом к светлому будущему: в окружении Ландау таким «белым-и-непушистым» был один лишь Лифшиц.

Основную часть политического спектра занимали те, кто смотрели на жизнь сквозь розовые очки, доверяя с разной степенью искренности партийным руководителям определять, что такое хорошо и что такое плохо. Легче было тем, кто, увлеченно занимаясь наукой и «личной жизнью», все общественно-политические явления воспринимали как погоду, к которой следует приспособляться, но которую невозможно изменить. При этом, разумеется, приходилось идти на ком-

промиссы разного масштаба с властями, уговаривая свою совесть — тем больше, чем выше административное положение в науке. И тем труднее было сохраниться морально.

Это, как ни странно, удалось высшему научному руководителю «Ядерного проекта» — И.В.Курчатову. Он защищал физику и конкретных физиков от партийно-полицейских надзирателей, объяснял правительству неизбежность мирного сосуществования в ядерный век, способствовал возрождению генетики. И поддерживал А.Д.Сахарова, когда тот расширил диапазон своих размышлений от ядерно-военной физики до политики ядерного века. О характере и политическом таланте Курчатова сказано в справке Министерства государственной безопасности СССР от 8 июля 1945 г.: «По характеру человек скрытный, осторожный, хитрый и большой дипломат»*. У своих коллег он оставил всеобщую добрую память, заплатив, однако, высокую цену — умер в 57 лет, после нескольких инсультов.

Лейпунский, ровесник Курчатова, прожив дольше, оставил нелегкие вопросы о соотношении науки и морали в советское время. Избранный в АН УССР еще в 1934 г., тридцатилетним (са-

* Подробнее об этом см. главу «Курчатов, большой дипломат» в книге: Горелик Г.Е. Андрей Сахаров: Наука и свобода. М., 2010 (Жизнь замечательных людей. Вып.1207).

мым молодым за всю историю этой академии), талантливый физик руководил важными научными проектами и институтами в рамках советского «Ядерного проекта», а значит, пользовался доверием советской власти. Но так и не был избран в АН СССР — самую автономную официальную организацию в Советском Союзе. Значит ли это, что большинство членов «большой» академии не считали его достойным по каким-то «общечеловеческим» причинам?

Что думали советские академики о Лейпунском в 1940–1960-х годах и что думал он сам о себе — вопрос для его биографов после того, как тайные драматические события 1930-х годов приоткрылись вместе с секретными архивами в свобододобываемые 1990-е. Вот несколько опорных фактов для размышлений, взятых из публикаций [5–7], а также из материалов, подготовленных П.Е.Рубининым для второго тома книги «Капица, Кремль и наука».

УФТИ официально открылся 7 ноября 1930 г. В том же году Лейпунский вступил в ВКП(б) и стал заместителем директора без отрыва от успешных исследований в физике ядра. В 1933-м был назначен директором вместо беспартийного И.В.Обреимова и быстро завоевал уважение и симпатии сотрудников.

Весной 1934 г. Лейпунский уехал в Англию, получив при содействии П.Л.Капицы возможность работать в Кембридже. Он очень способный молодой ученый и сразу себя хорошо зарекомендовал, — писал Капица матери. В августе Капица с женой, в сопровождении Лейпунского, отправились в отпуск в СССР. А 25 сентября зампреда Совнаркома В.И.Межлаук сообщил Капице, что он останется работать в СССР. Жена Петра Леонидовича возвратилась к детям в Англию, куда вскоре вернулся и Лейпунский. Выбитый из колеи Капица писал тогда жене: *Я несколько не сомневаюсь, что [Лейпунский] очень доброжелательно к нам относится и, безусловно, без задних мыслей. Ему можно вполне доверяться. <...> ..Я знаю, что могу на него положиться как на товарища**.

Отношение Капицы резко изменилось весной 1935 г., когда Лейпунский вновь приехал в СССР и посетил его: *Вчера вечером был у меня Ал[ександр] Ильич, мы с ним беседовали часа полтора. Он был у В.И.[Межлаука] и пытался убеждать меня в разных невозможных вещах и сам запутался в своих собственных аргументах, беспомощно барахтался и стыдился своего положения. <...> «Так считают, так, значит, и надо поступать» — единственный аргумент, который он выдвигал. Расстались мы сухо. Пришел ко мне он не как друг, а как эмиссар...***

* Материалы, подготовленные П.Е.Рубининым для второго тома книги «Капица, Кремль и наука».

** Там же.

Так оно и было. Сохранились письма-отчеты Лейпунского, которые он снабжал грифом «С[ов]. секретно», о реакции западных коллег на удержание Капицы в России, о своей оценке его научных и инженерных способностей [7, с.72, 119].

1937 год — разгром УФТИ

Осенью 1935 г. Лейпунский возвратился в Харьков, и 29 ноября его вновь назначили директором УФТИ (вместо Давидовича). Днем раньше был арестован Корец по обвинению в том, что он «является участником контрреволюционной подпольной группы, проводит разложенческую работу среди сотрудников УФТИ и занимается контрреволюционной агитацией» [6, с.175].

Следственное дело Кореца содержит характеристику из УФТИ, утверждающую, что *работа Кореца была направлена на срыв тем[атически-]фин[ансового] плана и, в частности, заданий оборонного значения* [6, с.179]. Характеристика, по правилам советской демократии, подписана «треугольником»: директор Лейпунский и руководители парткома и месткома. Заметим, что Корец прибыл в УФТИ по приглашению Ландау уже после того, как Лейпунский уехал в Англию.

В защиту Кореца, как своего «ближайшего сотрудника и помощника», Ландау написал письмо главе НКВД Украины, где связал арест с *деятельностью бывшего директора Давидовича, который мог вводить в заблуждение органы НКВД* [6, с.184].

В декабре 1935 г. Ландау верил в советскую власть, а вскоре оснований для оптимизма стало еще больше: Кореца выпустили из тюрьмы под подписку о невыезде, а в июле 1936 г. дело прекратили с формулировкой: «материалов в достаточной мере по привлечению его в качестве обвиняемого не добыто». Как раз в июне 1936 г. опубликовали проект новой Конституции — «Конституции победившего социализма», под впечатлением чего Ландау предсказал, что на обещанных свободных выборах Сталин, конечно же, провалится и советский социализм расцветет.

Именно потому, что я уже много отдал этому и многого достиг, я невольно, как всякий, вероятно, человек, создавал иллюзорный мир себе в оправдание... — подытожил Сахаров, размышляя о своем оптимизме во время создания термоядерного оружия [8, т.1, с.229]. Общее свойство мыслящих людей, а физиков-теоретиков в особенности, — создавать иллюзорную картину своего мира, какую-никакую «теорию» реальности. Другой вопрос, насколько эта теория соответствует реальности и как соответствие устанавливается.

Иллюзорный мир Ландау треснул вскоре после торжества, казалось бы, справедливости в деле Кореца. В ноябре 1936 г. в Ленинграде начались аресты астрономов и физиков, в том числе хорошо знакомых ему*. И он, вероятно, понял, что Ко-

Л.Д.Ландау на Николиной горе у П.Л.Капицы. 1948 г.

реца выпустили не потому, что советское правосудие выяснило истину, а в результате какого-то внесудебного вмешательства. Ведь в феврале 1936 г. суд уже приговорил Кореца к полутора годам заключения. Нетрудно было догадаться, кто помог правосудию исправить ошибку.

Поскольку директор УФТИ был персоной республиканского масштаба, резонно думать, что бывший директор, пользуясь своими партийными связями, «ввел в заблуждение органы НКВД». Еще резоннее предположить, что новый-старый директор Лейпунский, видя, как сильно судьба Кореца волнует главного теоретика УФТИ, посодействовал, чтобы органы НКВД «вышли из заблуждения». Такое предположение позволяет лучше понять состояние, в котором Лейпунский в начале февраля 1937 г. писал следующее письмо [7, с.412].

*Зам. Председателя Совнаркома СССР
т. Межлаук
Секретно
Экз. №1*

Глубокоуважаемый Валерий Иванович!

Насколько мне известно, Вы еще продолжаете интересоваться Капицей и его Институтом. По-

этому я позволяю себе обратиться к Вам со следующим делом. У нас в Институте работает молодой и очень талантливый физик-теоретик Л.Д.Ландау, который сейчас ведет переговоры о переходе в Ин[ститу]т Капицы. Он является, несомненно, одним из ведущих ученых в этой области. По своему масштабу это человек крупнее Капицы. К сожалению, его политическую физиономию нельзя назвать вполне советской. Он относится к советской общественности с внутренним (а иногда и наружным) пренебрежением. Мы его стараемся воспитывать, т.к. это человек не безнадежный. Процесс воспитания иногда является довольно болезненным для воспитуемого. Недавно мы его подвергли некоторым воспитательным ударам. Это принесло несомненную пользу, что он сам должен был признать, однако он,

конечно, не прочь освободиться от постоянного давления, под которым он находится, и перейти в положение, где он с Капицей станут признанными вождями определенной группы ученых.

При явно антиобщественных настроениях Ландау, при его большом уме, энергии и интересе к организационной работе он в комбинации с Капицей станет, несомненно, центром реакционной группы наших ученых, которых, к сожалению, еще очень много.

Поэтому я решил обратиться к Вам с этим письмом в надежде, что Вы примете меры к тому, чтобы не случилось соединение этих двух людей.

Кроме этого вопроса у меня есть еще ряд других вопросов, связанных с Академией Наук, не таких спешных.

Я был бы очень рад, если бы Вы нашли возможным принять меня и назначили мне день, в случае Вашего согласия.

Акад. Лейпунский

Удержать главного теоретика в УФТИ не удалось. И не удалось предотвратить разгром института. В 1937 г. 11 сотрудников арестовали, пятерых расстреляли.

Лейпунского исключили из партии, сняли с должности директора, но арестовали (как «агента германской и английской разведок») лишь в июне 1938 г., под самый конец Большого террора, запущенного вместе с «Конституцией победившего социализма». Так что он уже знал о масштабе и об абсурде происходившего и был готов к аресту.

* Об арестах астрономов см.: Успенская Н.В. Вредительство... в деле изучения солнечного затмения (Природа. 1989. №8. С.86–98); о геофизиках, осужденных по так называемой геофизической ветви «пулковского дела» см.: Костицын В.И. Судьба первых советских геофизиков (Природа. 2014. №3. С.61–70).

По свидетельству сокамерника, Лейпунского ...арестовали, когда он как раз вернулся после длительной поездки в Крым. Загорелый, свежий и помолодевший, он всю камеру заразил своей бодростью и спокойствием. С собой у него был большой мешок с сухарями. <...> Несмотря на скромность, он вскоре стал главным в камере. Как и на свободе, он привлекал к себе сердца людей. Ежедневно, в течение двух часов, вся камера, не дыша, слушала его лекции по физике [5, с.277].

А в кабинете следователя Лейпунский собственноручно написал, что принес ...громадный вред развитию советской науки <...> замазывал сигналы о враждебных физиономиях контрреволюционеров Ландау, Шубникова, всячески старался сохранить их в институте. Создал им в институте условия для вредительской и шпионской работы... [6, с.31]. К тому времени Шубников уже был расстрелян, а Ландау арестован в Москве.

Освободили Лейпунского через два месяца. Позволили вернуться в науку, занимать важные административные посты, восстановили в партии, наградили тремя орденами Ленина, Ленинской премией, присвоили ему звание Героя Социалистического Труда...

Нет свидетельств, что его отношение к науке и к жизни существенно изменилось после пережитого в 1930-х годах. И трудно сказать, как бы он воспринял диагноз, поставленный Ландау в апреле 1938 г. (...сталинская клика совершила фашистский переворот) и в январе 1957 г. (...наша система, как я ее знаю с 1937 года, совершенно определена есть фашистская система...)*.

Лейпунский, возможно, поверил бы, что Ландау сказанул такое. И доля правды есть в его словах о Ландау из секретного письма: ...его политическую физиономию нельзя назвать вполне советской. Вполне советской была политическая установка самого Лейпунского в изложении Капицы: «Так считают» — Они, Там, Наверху — «так, зна-

* Слова из листовки, приведшей к аресту Ландау и Кореца 28 апреля 1938 г. и из справки КГБ 1957 г. Подробнее см.: Горелик Г.Е. «Моя антисоветская деятельность...». Один год из жизни Л.Д.Ландау (Природа. 1991. №11. С.93–104), а также книги [3, 4].

чит, и надо поступать». Легко понять, почему огромное большинство советских людей считали так же. Труднее объяснить, почему эта установка была неприемлема для таких «научных социалистов», как Ландау, Капица и Сахаров. Но это были их проблемы — проблемы с советской властью. То, как они решали эти проблемы и переосмысливали свои социальные идеалы, — важная часть истории науки и истории страны.

Разгром УФТИ незаметно сыграл важную роль и в мировой истории. В группе Ландау работал Л.Тисса, приехавший из Венгрии и видевший все своими глазами, начиная с обыска у Кореца в ноябре 1935 г. (когда изъяли, в частности, и публикуемое письмо Лейпунского). Тисса приехал к Ландау по рекомендации своего друга Э.Теллера, который узнал и оценил Ландау в 1929 г. в Институте Бора в Копенгагене**. В Харькове Тисса провел около трех лет, защитил диссертацию, выучил русский язык и начал читать лекции студентам, когда грянул 37-й год. На его глазах разорвали один из лучших в стране научных центров, арестовывали людей, поглощенных наукой и преданных социализму. Сам он чудом выскользнул из советской страны, оставив там свои розовые иллюзии***. Обо всем увиденном он рассказал при встрече Теллеру, который, доверяя другу-очевидцу, еще до войны пришел к выводу, что сталинский коммунизм не намного лучше, чем нацистская диктатура Гитлера****. Такое понимание, очень редкое тогда среди его американских коллег, стояло за его научными и политическими усилиями создать термоядерное оружие. Это, как многие сейчас думают, предотвратило третью мировую войну. ■

** Основанный Н.Бором в 1920 г. при финансовой поддержке пивоваренной компании «Carlsberg» и открытый в 1921 г. Институт теоретической физики (подразделение Института астрономии, физики и геофизики при Копенгагенском университете) лишь 7 ноября 1965 г. (в восьмидесятую годовщину со дня рождения Бора) получил современное имя — Институт Нильса Бора. — Примеч. ред.

*** Тисса Л. Вспоминая молодого Эдварда Теллера (Природа. 2002. №3. С.67–72).

**** См.: Горелик Г.Г. Отцы водородной бомбы. К 85-летию Андрея Дмитриевича Сахарова (Природа. 2006. №5. С.3–14).

Литература

1. Эренфест — Иоффе. Научная переписка. Л., 1990.
2. Профессор Владимир Семенович Шпигель. Физик-экспериментатор, изобретатель, педагог: Сборник статей / Ред.: Л.Д.Блохинцев, А.Н.Грум-Гржимайло, М.П.Панасюк, Е.А.Романовский. М., 2011.
3. Горелик Г.Е. Советская жизнь Льва Ландау. М., 2008.
4. Советская жизнь Льва Ландау глазами очевидцев / Сост.: Г.Е.Горелик, Н.А.Шальникова. М., 2009.
5. Лейпунский А.И. Избранные труды. Воспоминания. Киев, 1990.
6. Павленко Ю.В., Ранюк Ю.Н., Храмов Ю.А. «Дело» УФТИ. 1935–1938. Киев, 1998.
7. Есаков В.Д., Рубинин П.Е. Капица, Кремль и наука. Т.1: Создание Института физических проблем. 1934–1938. М., 2003.
8. Сахаров А.Д. Воспоминания: в 2 т. / Ред.-сост.: Е.Холмогорова, Ю.Шиханович. М., 1996.